

ПРОЛОГ

Земля, Москва, Кремль. 3 июня 2088 года

Запись событий была короткой — около шести минут с начала атаки до последнего залпа, который уничтожил средний крейсер «Тибурон». На огромном экране, занимавшем всю стену кабинета, взрывались корабли, настигнутые лучевым ударом, как мошки в пламени, сгорали истребители, кружились багровые облака раскаленного газа, тонкие, ослепительно-яркие плазменные шнуры с хищным упорством терзали броню. Фоном для этой картины служила тьма, расцвеченная искрами равнодушных звезд.

Просмотрев запись, сидевший перед экраном человек поднял руку и повелительно шелкнул пальцами. Фильм пустили снова, помедленнее, с комментариями аналитиков, выделявших отдельные, самые мрачные фрагменты. Первый, длившийся двадцать шесть секунд, предшествовал бою: на экране возникли гигантский звездолет, поблескивающий в свете далекого Солнца, девять земных крейсеров, что окружали кольцом чужака, и угловатые аппараты, взлетающие с его поверхности. Десять, двадцать, тридцать... словно пулеметная очередь... Боевые машины расходились двумя веерами выше и ниже плоскости эклиптики, прикрывая цилинд-

рический корпус звездолета. Он был огромен — судя по возникшей рядом масштабной сетке, пять или шесть километров в длину. С ним не могли сравниться самые крупные базы и орбитальные станции, созданные за последние полвека.

Внезапно кольцо земных крейсеров, охватившее пришельца, сделалось подвижным, завертелось, роняя длинные огненные струи; выхлопы дюз тянулись к звездам, затмевая их слабое, робкое сияние. Эта карусель стремительно набирала скорость, и кружившие в ней корабли явно готовились к битве: поворачивались орудийные башни, хищно подрагивали стволы метателей плазмы и свомов¹, в темных каналах ракетных портов отсвечивал металл. Мгновение — и стая серебристых стрелок оторвалась от «Сахалина», самого крупного рейдера флотилии, и ринулась в темноту. Тут же, не прекращая своего кружения, выпустили ракеты «Памир» и «Ланкастер», за ними — «Сидней» и пять других крейсеров. Залп, залп, и снова залп... Стреляли не по машинам пришельцев, по их звездолету, а эта мишень была такой огромной, что миновать ее снаряды не могли.

Ракетные залпы стали началом атаки, удар истребителей — ее продолжением. В бортах кораблей раскрылись шлюзы, юркие «грифы» и «коршуны»

---

¹С в о м (от английского «swarm» — рой, стая) — орудие, выбрасывающее большое количество мелких частиц, обычно стальных игл или шариков, которые летят с огромной скоростью. Чтобы не засорять пространство металлом, в космических орудиях используют мельчайшие кристаллики льда.

ринулись в пустоту; их плотное облако, казавшееся в первый миг бесформенным, выхлестнуло четыре острия. Они врезались в строй вражеских машин, и сотни ало-фиолетовых вспышек замелькали во мраке — били из лазеров и свомов. На первый взгляд — сокрушительный удар, но голос аналитика, негромкий и холодный, сообщил, что преимущество — на стороне врагов. Их аппараты оказались увертливыми и смертоносными, хоть не имели ни ракет, ни плазменных метателей, ни чего-то подобного лазеру; единственным средством нападения был пучок антипротонов, накрывавший цель с большой дистанции и с убийственной точностью. Его энергия и плотность были настолько огромными, что вызывали аннигиляцию ничтожного количества частиц, плававших в вакууме.

«Сидней» был первым среди погибших; широкий багровый язык протянулся от машины чужаков, слизнул три истребителя, ударил в корму, прямо в реактор, защищенный многослойной броней, и крейсер исчез в фонтане пламени. Разлетевшиеся обломки или, возможно, орудия «грифов» накрыли чужой аппарат, но он не взорвался, а стал разваливаться на части, будто разрубленный невидимым клинком. Три другие машины, прорвавшись сквозь заслон «коршунов», атаковали «Ланкастер», две — «Неву»; помимо численного превосходства они выглядели маневреннее и быстрее земных кораблей.

Кажется, «Ланкастер» выпустил последние ракеты... Они пропали в темноте, потом мрак отступил перед багряными струями огня, тянувшимися от машин пришельцев. Лучи сошлись на крейсере, в

самой середине, но за мгновение до этого «Ланкастер», будто смертельно раненный зверь, успел ударить из плазменных пушек. Там, где потоки плазмы и антиматерии пересеклись, вспыхнула ослепительная звезда, затем рванул термоядерный реактор. Раскаленная туманность возникла на месте крейсера и трех боевых аппаратов, ее края бешено вращались, вытягивались в пространство скрюченными оранжевыми пальцами, словно желая вырвать клочья тьмы.

— Пятнадцать секунд до поражения главной цели, — произнес за кадром голос аналитика. — Четыреста семьдесят восемь ракет в трех волнах, совокупная мощность — сто тридцать восемь тысяч шестьсот мегатонн. Предполагалось, что их защитные поля не выдержат. Однако...

Яростный огонь ворвался в тихий кабинет, заставив вздрогнуть сидевшего перед экраном человека. Мнилось, будто Вселенная, корчась в муках и безмолвных столах, породила новую звезду и бросила прямо в жаркое чрево. Фильтры пригасили ее свет, сделали призрачной тенью, но даже так она была страшна. Раскаленные массы ворочались в ее глубине, вспухали на поверхности чудовищными алыми горбами, истончались нитями протуберанцев, бросали во тьму клочья светящейся плазмы; казалось, что мир, еще недавно подобный обсидиану с редкими искрами звезд, вдруг превратился в огненную преисподнюю.

В центре экрана раскрылось окно и потянулись кадры событий, параллельных взрыву. «Памир», тяжелый рейдер с экипажем в двести двадцать чело-

век, исчез во вспышке пламени, столкнувшись с аппаратом чужаков; эскадрилья «грифов» сгорела в багровом выбросе аннигилятора, рассеялись газовыми облаками «Фудзи» и «Нева», мертвая «Парана» плыла в темноте, распадаясь на части. Но «Сахалин» еще сражался, бил из лазеров и свомов, и в верхнем секторе небесной сферы еще оборонялись «Тибурон» и «Рейн». Рожденная ядерным взрывом звезда, на фоне которой мелькали эти картины, постепенно тускнела, протуберанцы и плазменные волны улеглись, энергия рассеялась в пустоте роями стремительных квантов. Периферийная область уже не слепила глаза, и сквозь ее прозрачное марево виднелся звездолет чужих, неповрежденный и несокрушимый.

— Взломать защиту не удалось, — прокомментировал аналитик. — Половина флотилии погибла. Выдвинут резерв: крейсера «Викинг» и «Волга» и адмиральский фрегат «Суздаль». Их истребители пытаются ударить во фланг противнику. — Выждав мгновение, он уточнил: — Эта акция успеха не имела.

Экран показал три атакующих корабля, затем на их месте вспыхнуло раскаленное облако, такое же, как поглотившее «Ланкастер»; исчезли «Сахалин» и «Рейн», а с ними — «коршуны» и «грифы»; от грозной карусели могучих машин остался только разреженный газ. Три десятка инопланетных аппаратов висели в пространстве, слизывая багровыми языками редких мошек-истребителей, и за этим заслоном мчался к чужому звездолету «Тибурон» — последний крейсер флотилии. Орудия его молчали. В потемневшей броне, с оплавленными башнями и шлю-

зами, он шел на таран, шел в безнадежную атаку, как воин разбитой армии, не желавший признать поражения. Два чужака лениво развернулись ему навстречу, плюнули огнем, и в темноте вспыхнуло облако плазмы.

Внизу экрана вспыхнули и побежали названия погибших крейсеров вместе с именами капитанов, тактико-техническими данными и численностью команд; траурный список, в котором первыми шли адмирал Тимохин и «Суздаль», флагман флотилии. Двенадцать боевых кораблей, две тысячи в экипажах...

Фильм закончился. Некоторое время хозяин кабинета сидел, уставившись в пол и будто размышляя, не просмотреть ли запись снова, потом поднял голову и произнес:

— Соедините с Вашингтоном. Срочно.

ГЛАВА 1

Солнечная система, пространство между орбитами Плутона и Юпитера

Корабль Третьей Фазы двигался к желтой звезде над плоскостью эклиптики, от края галактического рукава, где за флером разреженной туманности остались Новые Миры. Уже не беззащитные, раз Кораблю с флотом боевых модулей посчастливилось отыскать эту звездную систему, расположенную так удачно и наверняка обитаемую. Кроме этих явных преимуществ пятая планета, газовый гигант, окруженный роем спутников, возможно, несла следы даскинов — точнее, заметной аномалии, связанной с их астроинженерной деятельностью. Пока это являлось не точным знанием, а лишь гипотезой, которую надлежало проверить, и Корабль, сориентировавшись на далекое беловатое пятно, повернул к огромной планете. Этот мир чудовищной величины относился скорее к классу протозвезд, обладавших многочисленными сателлитами; как раз такая ситуация, которую предпочитали Древние.

Гиперсветовой привод, позволявший странствовать в Галактике, был отключен, и Корабль плыл на волнах тяготения. Плыл неторопливо, затратив двенадцать циклов времени, чтобы пройти над орбитами внешних планет. Девятая, самая дальняя из них, не представляла интереса — лишенный атмосферы

небольшой сфероид, холодный и бесплодный, подходящий только для размещения форпоста с аппаратурой дальнего обнаружения. Восьмая пряталась за желтым светилом, но, если не считать более долгого периода оборота, походила на седьмую; обе являлись крупными телами с массой, на порядок большей оптимальных величин, далекими от Солнца и, значит, бедными энергией. Шестая была любопытнее: еще более массивная планета, с четырьмя спутниками и кольцом из глыб космического льда и каменных обломков. Довольно редкий феномен для обитаемой системы; редкий и небесполезный, ибо кольцо могло служить источником разнообразного сырья, начиная от воды, в которой нуждался Корабль, и кончая полиметаллическими рудами.

Здесь, однако, разработки не велись. Может быть, ресурсы населенного мира пока что не были исчерпаны или его обитатели, уже знакомые с электромагнетизмом и трансляцией сигналов, еще не вышли в космос. Не исключалось, впрочем, что они не нуждаются в раздробленной материи кольца, так как в их распоряжении имелся пояс астероидов, лежавший на границе зоны внутренних планет, более близкий и удобный для длительной эксплуатации. Настоящее сокровище, по меркам любой галактической расы! Кладезь руд и минералов, легкодоступных при нулевой гравитации и потому весьма дешевых. Масштаб работ в поясе астероидов мог служить критерием технологического развития местных биотегари, но с этим вопросом еще предстояло разбираться, как и с артефактом

Древних. В данный момент на Корабле фиксировали лишь неразборчивый поток радиосигналов, идущих из обитаемого мира, всенаправленное излучение, слишком слабое для расшифровки. Но этот факт был столь же многообещающим, заманчивым и ценным, как стратегическое положение системы, доступные запасы минералов и аномалия на газовом гиганте. Пожалуй, он был еще важней — ведь никакие ресурсы и артефакты не могли сравниться с наличием разума.

Не опускаясь в плоскость эклиптики, Корабль плыл к пятой планете. Пока что она была безымянной, как остальные четыре внешних мира и четыре внутренних, как планетарные спутники, кометы, астероиды, принадлежавшие к свите желтой звезды. Несомненно, у бино тегари имелись названия для всех небесных тел, и вскоре эта информация станет доступной Кораблю и Связке. В обитаемых звездных системах всегда сохраняли автохронные названия, даже такие, которые не выговорить вслух. Бывало, они оставались единственной памятью о расах, не переживших контакта с чужой культурой, вымерших или истребленных. Истребление, впрочем, было вариантом нежелательным, ибо любая межзвездная цивилизация нуждалась в слугах и помощниках.

Протозвезда превратилась из светлого пятнышка в большой белесый диск, подернутый желто-серой рябью циклонов. Течения газовых масс в ее атмосфере были хаотичными и быстрыми; они закручивались в воронки, мчались по лику гиганта, дрейфовали от полюса к полюсу, ныряли вниз, к ядру из

сверхплотного водорода, и, наконец, рассыпались, таяли, исчезали. Лишь один из вихрей был неподвижен и стабилен. Огромный красноватый эллипс располагался в Южном полушарии и занимал его восьмую часть; внутренние планеты, от первой до четвертой, могли утонуть в его пучине всем скопом или по отдельности. Чудовищная аномалия, рожденная не стихийной силой, а мощью и разумом Древних...

Корабль отстрелил разведывательный модуль. Эта небольшая капсула управлялась тхо, частично разумным пилотом, подключенным через биоинтерфейс к системе навигации. В сфере наблюдений Корабля было видно, как блестящая искорка стремительно падает к планете, и одновременно с ее движением сфера озарилась крохотными огоньками спутников газового гиганта. Четыре из них были крупными, сравнимыми с планетарными телами; мелких насчитывалось больше десяти. Паутина символов, вспыхнувших на экваторе сферы, несла информацию об их размерах, массах и периодах обращения.

Тхо, пилотирующий модуль, вдруг что-то забормотал. Как всякий вспомогательный работник, он не отличался разговорчивостью, и воспринять его речь вне ментального поля, созданного разумами экипажа, было нелегко. Зато сообщение капсулы, связанной с Кораблем, казалось более понятным: она посылала не звуковую, а визуальную информацию. Символы с численными данными исчезли из сферы наблюдений, огромный белесоватый сегмент протозвезды растаял вместе с красным глазом

аномалии, зато приблизился один из спутников, третий по величине. Вид его устрашал: багрово-красный, оранжевый, желтый цвета мешались с черным и белым в резкой неприятной дисгармонии, жерла вулканов извергали ядовитые пары и лаву, сетка алых трещин рассекала поверхность, испещренную сотнями кратеров. В недрах этого мира бушевало пламя, и приливные силы протозвезды, чудовищные на небольшом расстоянии, ломали хрупкую корку, вздымая катившийся вдоль экватора огненный вал.

Это жуткое зрелище заставило вздрогнуть бино фаата у сферы наблюдений, но только на мгновение. Визуальные данные от модуля шли непрерывно, картины менялись с неуловимой быстротой, огненный мир отдалялся, превращаясь в размытый, окруженный заревом багровый диск, а в стороне от него, почти незаметной тенью на фоне мрака, проявилось нечто бесформенное — крупная структура, будто бы слепленная из комьев темной пыли. Тонкий, пронзительно-яркий луч протянулся от нее к разведчику, сверкнула вспышка, и модуль перестал существовать.

Изображение в сфере мигнуло, но темный объект был уже опознан оборонительной системой Корабля. Переговоры с ним не велись, переговоры были бесполезны; всякая встреча бино фаата и сильмарри кончалась одинаково — залпом аннигиляторов и распылением в плазму. При равенстве сил подобный исход для тех и других был неизбежен, но в этот раз удача отвернулась от сильмарри: не флот, а одиночный рейдер столкнулся с Кораб-

лем. Сильмарри, впрочем, не пытались скрыться; их коллективный разум не ведал страха уничтожения, а инстинкт — во всяком случае, если дело касалось бино фаата — не оставлял иного выбора, кроме атаки.

Корабль сбросил боевые модули — шесть, чтобы блокировать все направления в пространстве и не затягивать схватку сверх необходимого. При перевесе шесть к одному долго она не продлилась; удар аннигиляторов пробил защитные поля сильмарри, полыхнул ослепительный свет, и раскаленное облако газа засияло в пустоте, словно новая туманность, которая, по прошествии времен, породит звезду, планеты и, вероятно, жизнь.

Иллюзия, одна иллюзия! В масштабе Вселенной масса туманности была величиной ничтожной, а большая часть энергии рассеялась с жесткими квантами. Когда шесть модулей пристыковались к Кораблю, сияние в облаке угасло, и осколки атомов — то, что осталось от рейдера сильмарри, — канули в вечную тьму и забвение.

На Корабле, однако, помнили о них. То, что чужаки добрались в этот галактический рукав, грозило опасностью Новым Мирам, хотя сильмарри, скорее всего, не строили планов захвата колоний Третьей Фазы. Быть может, их привлекло к желтой звезде длинноволновое излучение, признак цивилизации, использующей радиосигналы; быть может, они собирались исследовать артефакт даскинов или обосноваться в поясе астероидов; быть может, у них имелась какая-то другая цель, совсем непонятная, ибо кто из гуманоидов мог угадать

приоритеты и цели мыслящих червей? Но так или иначе они здесь появились, и это стало предупреждением — ведь за сильмарри могли последовать другие.

Поспешность была не в обычаях бино фаата, и все же приходилось торопиться. Недолгое время Корабль, окутанный маревом защитных полей, висел у гигантского газового шара, словно размышляя, продолжить ли его исследование или направиться к тому из внутренних миров, откуда шел поток сигналов. Затем мерцание поля поблекло, огромный цилиндр плавно развернулся основанием к звезде, блестящий выпуклый корпус поймал и отразил ее лучи. Волны тяготения подхватили Корабль; он двинулся вперед, набирая скорость, но вдруг застыл, будто бы связанный неодолимыми силами пятой планеты.

К ней приближался новый объект. На этот раз совсем небольшой — его масса была гораздо меньше, чем у боевого модуля.

ГЛАВА 2

*Солнечная система, орбита Юпитера.
14 мая 2088 года по времени Земли*

Кают-компания десантников на «Жаворонке» невелика: восемь шагов в длину, шесть в ширину и высоту. Все предназначено для еды и отдыха размещалось у стен и было либо плоским, либо узким. Плоские экраны, у которых болтались шлены и привязные ремни, плоские крышки люков, ведущих в коридор и душевую, узкие откидные столы,

похожие на полки, узкие стойки раздаточных автоматов. Зато середина помещения оставалась свободной, как и положено по инструкции: никаких помех для продвижения к люку и дальше, в коридор на палубе С. Выскочить, ринуться к шлюзам на красной стене, нырнуть в отмеченный нужным номером и очутиться в своем истребителе. Потом закрывается кокон, и пневматические толкатели выбрасывают суденышко в пустоту... Согласно нормативам через двадцать семь секунд после сигнала тревоги.

Сиденья тоже были узкими, и Павел Литвин едва помещался между подлокотниками. Это означало, что его физические кондиции на пределе — слишком крупных мужчин и женщин в ОКС¹ не брали. Во всяком случае, не брали в подразделения и службы, связанные с полетами, поскольку рослый человек с большой мышечной массой нуждался в дополнительном жизнеобеспечении. Больше воздуха, больше воды, больше пищи и кресло попросторнее... К тому же крупные люди не отличались той ловкостью и быстротой, какая необходима в космофлоте и десанте, особенно в условиях невесомости и резко меняющегося тяготения. В Байконурской школе, которую кончал Литвин, рослых и крупных дразнили баскетболистами, и дорога им

---

¹ ОКС — Объединенные Космические Силы, международная организация, контролирующая околоземное пространство и космос в пределах Солнечной системы. Создана в 2054 году и подотчетна Совету Безопасности ООН. Поглотила такие структуры, как НАСА и военно-космические силы России, США и европейских государств.

была одна — в наземные команды и штабы. Он вспоминал об этом всякий раз, когда с трудом втискивался на сиденье. Только один сантиметр роста отделял его от судьбы неудачников, ползающих по земной поверхности.

Но сейчас «Жаворонок» находился в свободном полете, сиденья были убраны в стены, и Литвин плавал под потолком, пристегнувшись к ремню безопасности. Тут вполне хватало места, чтобы вытянуть ноги и пошевелить руками без риска наткнуться на чью-то голову или задницу. «Жаворонок», средний крейсер Первого космического флота, нес шестнадцать бронированных амфибий и столько же УИ¹ класса «гриф», так что помещение было рассчитано на шестнадцать пилотов-десантников. Но в этом рейсе их осталось четверо, что позволяло наслаждаться необычайным простором в кают-компаниях и кубриках, а заодно бездельем. Крейсер не находился на боевом дежурстве, не инспектировал шахты на Меркурии или в Поясе Астероидов, не охранял коммуникации между Землей и Луной от нежелательных небесных тел, а выполнял сугубо мирную и скучную работу по установке бабенов.

Эти навигационные маяки позволяли ориентироваться там, куда не дотягивался Ультранет, на расстоянии в десять астрономических единиц² от

---

¹ УИ — универсальный истребитель, малый многоцелевой космический аппарат боевого назначения.

² Астрономическая единица (а.е.) равна 149,6 млн км, то есть среднему расстоянию Земли от Солнца. В этих единицах расстояние до Юпитера составляет примерно 5 а.е., до Сатурна — 10 а.е., а до Плутона — 39,5 а.е.

Солнца, то есть в пределах сатурнианской орбиты. Эксперты ОКС полагали, что этого хватит на несколько ближайших лет, до начала нового столетия, так как экспедиции к дальним планетам, Урану, Нептуну и Плутону, пока что являлись большой экзотикой и редкостью. Но Сатурн и Юпитер посещали чаще, хотя занимались этим не боевые корабли и десантный корпус, а научно-исследовательская служба Объединенных Космических Сил и университетские ученые. Считалось, что до промышленных разработок и строительства баз на спутниках еще далеко, но любое подобное мероприятие начиналось так же, как в былые годы золотая лихорадка на Аляске, то есть с установки вешек и столбов.

Бакен представлял собой миниатюрную автоматическую станцию на пленочных батареях, отслеживающую свои координаты при движении по гелиоцентрической орбите за Юпитером. У каждого из тридцати маяков были своя частота и скважность излучения сигнала, что позволяло распознать их с полной достоверностью; всенаправленные импульсы повторялись примерно через десять минут, необходимых для накопления энергии. За пару месяцев, прошедших с начала работ, «Жаворонок» установил двадцать восемь маяков и находился сейчас вблизи Юпитера. Вид загадочной планеты внес небольшое разнообразие в жизнь экипажа; все, кому не лень, могли любоваться циклонами на ее поверхности и рассуждать о тайнах Красного Пятна. В какой-то мере это скрашивало скудость рациона, тоску по синим небесам и остальные неприятности вроде регулярных учений, которые устраивал Би Джей.

Юпитер, во всей своей грозной и мрачной красе, маячил на потолочных экранах. Если сощурить глаза и не прислушиваться к бормотанию Луиса Родригеса, казалось, что паришь на границе атмосферы, не защищенный скафандром и корабельной броней, и красный глаз Пятна тебе с игривостью подмигивает. Какое-никакое, а все же развлечение, думал Литвин, глядя, как над Пятном мчатся белые тучи. Лучше, чем слушать Родригеса, страдавшего воспоминаниями о женских прелестях на пляжах Акапулько. С латинским темпераментом он толковал об этом в сотый раз, и на лице внимавшего ему Коркорана застыло мученическое выражение. Эби Макнил, которой Луис надоел не меньше, чем Литвину, ускользнула в самый дальний угол и, нахлобучив шлем и смежив веки, слушала музыку. Старинный рэп, судя по тому, как подергивались ее руки.

— Девочки, — бубнил Родригес, — какие там девочки, Рихард! Чтоб мне неба не видеть! Красотки! Наши мексиканочки, еще из Аргентины и Перу, потом мулаточки из Штатов, и вообще американок прорва... Лежишь на песочке и видишь: ноги, ноги, ноги! И все из плеч растут, такие, знаешь, гладкие и смуглые, как...

— А груди? — вяло поинтересовался Коркоран. — Груды выше ног мелькают? Или ты лишь до коленок разглядывал?

— А как же! Сиськи потрясающие, но между ними и коленками еще есть задницы. А задница, Рихард, это у девушки главное, это как заряд в торпеде. Все на ней держится: и то, что сверху прилепи-

ли, и то, что привинчено снизу. Особенно у американок! Посмотришь на такую, и руки сами тянутся, а все остальное... гмм... ну, ты понимаешь...

— У нас американка тоже есть, — заметил Коркоран, покосившись на Эби. — Не хуже красоток из Акапулько.

— У нее пропорции не те. То есть, я хочу сказать, размеры... — Родригес тоже бросил взгляд на миниатюрную Макнил. — Тошная, рыжая, бледная, а что до задка и сисек...

Литвин, оторвавшись от созерцания Юпитера, многозначительно прочистил горло, и Родригес смолк. Потом громким шепотом сообщил Коркорану:

— Лейтенант-командер проявляет недовольство. Не любит наш командер вспоминать, какие буфера и задницы у баб, поскольку службой увлечен. Ну, ничего, ничего... Вернемся, я его проветрю в Акапулько. Там, клянусь реактором, на славян огромный спрос! Там, скажу тебе, Рихард...

Изображение Юпитера исчезло, сменившись лицом Иштвана Сабо, офицера связи. Дрогнули полные яркие губы, и в кают-компании прошеле-стело:

— Командир звена десантников в рубку к капитану. Быстро! Синяя готовность.

— Хорошо хоть не зеленая, — пробурчал Родригес. — И не красная!

— Опять учения, — вздохнул Коркоран, перемещаясь в облюбованный Макнил уголок. Он похлопал девушку по плечу: — Очнись, рыжая! Би Джей припас тебе работу.

Щелкнув магнитной застежкой ремня, Литвин

прижал к стене подошвы башмаков, оттолкнулся и проскользнул в люк. Коридор на палубе С был достаточно широким, чтобы двое могли разойтись в невесомости, хоть по вертикали, хоть по горизонтали. В стене красного тревожного оттенка у самого пола поблескивали плоские крышки шлюзов с номерами; стена напротив, пол и потолок имели спокойный светло-серый цвет. Восемь люков в серой стене вели в кубрики, каждый на двоих; Литвин устроился с Коркораном, давним приятелем, Макнил и Родригес в этом рейсе куковали в одиночестве. Впрочем, не было секретом, что Рихард иногда навещается к Эби. Такие неуставные отношения в десанте не поощрялись, однако и не запрещались. Руководители ОКС, люди разумные, понимали, что для борьбы с тоской и одиночеством любые средства хороши.

Пулей проскочив до шахты, Литвин ввинтился в нее, поднялся, касаясь ладонями ступеней трапа, на палубу В, где обитал экипаж, а затем на палубу А, командную и навигационную. Тут было попросторнее — если вытянуть руки, до стен не достанешь. По морской традиции, одной из многих воспринятых космофлотом, коридор палубы А назывался шканцами, и здесь проводили торжественные построения экипажа. «Жаворонок» был кораблем постройки 2060 года, летавшим двадцать восемь лет, то есть посудиною не новой, сменившей два поколения команды, и потому коридор украшали двести с лишним голографических портретов. Капитаны и навигаторы, десантники и пилоты, офицеры инженерной службы, связисты и стрелки строго взирали

на Литвина, спешившего на мостик. Он мчался «лунным шагом», отталкиваясь носками от пола и пролетая три-четыре метра в стремительном прыжке. Главное при таком способе передвижения состояло в том, чтобы не врезаться макушкой в потолок — даже в невесомости удар получался чувствительный.

Створки овального люка разошлись, он нырнул в рубку управления, зацепился ногой за скобу и доложил:

— Лейтенант-командер Литвин явился по вашему вызову, сэр!

Би Джей Кессиди, первый после бога на борту «Жаворонка», нетерпеливо махнул ему рукой. Шла вахта Прицци, второго помощника, но весь командный состав находился в рубке: сам капитан, и первый помощник Жак Шеврез, и старший навигатор Зайдель, и Бондаренко, глава инженерной секции. Кроме них тут были два вахтенных пилота и молодой энсин¹ Сабо, связист. Прицци и пилоты сидели у пульта, все остальные сгрудились за их спинами.

Литвин уставился в большой потолочный экран. Там снова и снова прокручивалась запись: темный провал с россыпью звезд, примерно в направлении

---

¹ Офицерские звания в космофлоте приняты в соответствии с англо-американской военно-морской традицией: энсин — первое офицерское звание (мичман), лейтенант-юниор — младший лейтенант, затем лейтенант и лейтенант-командер (соответствует капитану), командер (соответствует майору или подполковнику), капитан (соответствует полковнику), коммодор — контр-адмирал. Далее идут звания адмирала и адмирала флота.

северного галактического полюса, затем — внезапный взрыв и заставлявшее прищуриться ослепительное облако раскаленного газа, похожее на алоглубую каракатицу с раскинутыми щупальцами. Облако быстро бледнело по краям, таяло в черной космической бездне и, наконец, сливалось с ней, вновь пропуская звездный свет. Эта картина повторялась раз за разом, а на экранах локаторов мелькали цифры: расстояние, координаты, светимость, примерная оценка мощности, дисперсия потока излучения.

— В основном жесткие гамма-кванты, — басом произнес Бондаренко. — И очень быстрые — весь цикл занял меньше минуты.

— Точно, быстрые, — подтвердил Прицци. — В датчиках уже нормальный фон, локаторы тоже ничего не видят. И в оптике ничего. Пустота! Странно!

Шеврез, первый помощник, ухмыльнулся:

— Объясняю для непонятливых: столкнулись позитрон и электрон, летевшие на световых скоростях, с динамической массой в две мегатонны. Была бы она больше на сотню порядков, родилась бы новая Вселенная... Ну а старой, вместе с нами, Kamerady, пришел бы обязательный каюк!

— Выходит, повезло нам, Жак, сказочно повезло, — молвил Зайдель, тоже растянув в улыбке тонкие губы. — И нам, и Солнечной системе, и всей Галактике. Правда, верится с трудом в такое столкновение. — Повернувшись к вычислительному блоку, он коснулся клавиш и сообщил: — Вот, смотрите! Вероятность процесса примерно десять в минус пя-

тисотой степени. У нас и названий нет для такого числа!

— К чему природе названия? — с французской непринужденностью возразил Шеврез. — Природа всего лишь берет позитрон с электроном и...

— Заткнитесь, — негромко произнес капитан, и в рубке наступила тишина. — Во-первых, я не поклонник теории Большого Взрыва¹, а во-вторых, я желаю точно знать, что там случилось. Олафсон, — Би Джей похлопал по плечу пилота, — какая дистанция до этого феномена?

— Триста двенадцать и сорок пять сотых мегаметра, командир.

— Три часа полетного времени... И ничего в этой точке нет и не было? Ни корабля, ни зонда, ни астероида, ни какой-нибудь паршивой глыбы? Зайдель, проверь!

Навигатор влез в кресло перед вычислительным блоком, остальные склонились над экранами, где высвечивались спектральные характеристики потока. Литвин видел лишь спины, обтянутые комбинезонами, темные кудри Шевреза да обширную плешь Бондаренко. Потом услышал голос инженера:

— А Жак ведь прав! Спектр такой, будто аннигилировала масса в несколько тонн! Может, камешек

---

¹ Согласно современным астрофизическим воззрениям, Метагалактика возникла в результате Большого Взрыва и последующего расширения образовавшейся при этом материи. Одной из возможных моделей Большого Взрыва является столкновение частицы и античастицы, обладающих почти световыми скоростями и в силу этого гигантскими энергией и массой.

к нам завернул из антивещества? Хотя нет... при полной аннигиляции на таком расстоянии нас бы сожгло, как тараканов в печке... Но похоже... очень похоже, черт побери! Или аннигиляция, или ядерный взрыв...

Юный Иштван Сабо, стоявший рядом с Литвиным, сделал большие глаза и зашептал ему в ухо:

— Как ты думаешь, Пол, реактор у нелегала взорвался? И что за нелегал? Тут, под боком у Юпитера? Магометанин или желтый? А может, из нью-луддитов?

Литвин покачал головой. Нелепые предположения! Лишь юный возраст и неопытность Сабо оправдывали их. Исламские террористы, Дети Аллаха, Алый Джихад и все другие-прочие, как и нью-луддиты, в космос, к счастью, не летали, а корабли Поднебесной были слишком маломощными, чтобы добраться к внешним мирам. У террористов имелось много занятий на Земле, одно другого интереснее; миниатюрное оружие, вирусы тетрачумы и психотропные препараты давали столько возможностей, что не было смысла в терактах на Марсе или у Юпитера. Что до китайцев, то те, само собой, не отказались бы устроить пакость на рудниках Цереры или в марсианских куполах, однако их флот контролировался орбитальной службой ОКС. Кроме того, хотя в Поднебесной строили термоядерные станции, компактный реактор, пригодный для дальних перелетов, оставался там недостижимой мечтой. Политика технологического сдерживания Китая была негласной, но весьма эффективной.

— Что у тебя, Курт? — раздался голос капитана.

— Еще проверяю, сэр, — доложил Зайдель. — Камней в небесах — что грязи в болоте... Восемьдесят девять тысяч согласно каталогу.

— Чей-то корабль? Или зонд?

— Это уже проверил — точно нет. Никаких рейсов к орбите Юпитера за последние восемь недель. До того болтался здесь «Коперник» с польскими и шведскими планетологами. Очередные исследования Красного Пятна, экспедиция краковского и стокгольмского университетов.

— Может, это «Коперник» и есть?

— Вряд ли, сэр. Шесть дней назад, во время сеанса связи с «Барракудой», мы получили информацию о нем. Лоханка благополучно движется к марсианской станции «Маринер».

О нелегальном судне и речи нет, отметил Литвин. Теоретически этот вариант не исключался — крупная межпланетная корпорация (вроде «Боинг Космик» или «Нео Полиметалл») могла снарядить корабль или автоматический зонд и отправить его в любую область, сообщив ложные сведения о маршруте и цели полета. Но деньги в таких корпорациях считали хорошо и на пустые затеи не тратили. Большие боссы — не университетские профессора; им интересны залежи руд в астероидном поясе, а не загадки Красного Пятна.

Вычислительный блок закончил поиск в каталоге и мелодично звякнул. Зайдель отодвинулся — так, чтобы капитану был виден экран. Потом буркнул:

— Ничего, сэр.

— Ничего тут нет и быть не может, — произнес

Прищи. — Разве что какой-то мелкий камешек... Все ведь не перепишешь!

— А если камешек не наш? — пробасил Бондаренко. — Мог ведь извне появиться, и если он в самом деле из антиматерии...

— Отставить дискуссию, — прервал его Би Джей, выпрямляясь. — Идем в район феномена и поглядим, что к чему. Зайдель, рассчитай курс, Шеврез, прими вахту у Прищи. Все по боевым постам! — Он наклонился к коммутатору и рявкнул: — Говорит капитан! Зеленая тревога!

— Моя задача, сэр? — спросил Литвин.

— Выйти в космос и обследовать пространство в радиусе двух мегаметров от корабля. Ищите любые обломки или подозрительное излучение. Если мы что-то заметим на локаторах, вас дополнительно ориентируют. Время начала операции... Курт, когда мы там будем?

— Через три часа семь минут, капитан. При ускорении две десятых «же».

— Годится. Иди, Пол, — Би Джей подтолкнул Литвина к выходу. — Сбросим вас на подходе, минут за десять. Ждите сигнала!

Литвин выбрался в коридор, но не успел доплыть до шахты, как резкий звук сирены всколыхнул воздух. Прогудело трижды, с пятисекундными интервалами — знак, что нужно приготовиться к ускорению. Он ухватился за скобу, расслабился, услышал тихий рокот пробудившихся двигателей, и в тот же момент его потянуло книзу. Пол стал полом, потолок — потолком, а лейтенант-коммандер Литвин уже не был воздушным шариком, но весил целых